

дасть дерзновение мнѣ сказать Господу въ страшный судный день: се азъ и дѣти мои, ихъ же далъ мнѣ Богъ, Котораго не престану молить и просить: Боже, сотвори мя отца, о чадѣхъ веселящагося! Аминь.

Слѣдовавшее послѣ литургіи молебствіе Владыка совершалъ самъ. По окончаніи молебствія, преподавъ всѣмъ учащимъ, учащимся и другимъ, многочисленнымъ въ этотъ день, богомольцамъ семинарскаго храма Архипастырское благословеніе, Владыка, въ предшествіи семинарскаго хора и въ сопровожденіи начальствующихъ лицъ семинаріи, прослѣдовалъ въ столовую, гдѣ воспитанники въ это время были собраны къ чаю и завтраку, обычно слѣдующимъ въ праздничные дни по окончаніи литургіи.

Послѣ пѣнія тропаря празднику благословивъ трапезу и окропивъ ее и всѣхъ воспитанниковъ святою водою, Владыка прослѣдовалъ въ квартиру о. ректора семинаріи на скромную праздничную трапезу преподавательской корпораціи и ея гостей.

Ласковою, отеческою бесѣдою, внимательными разспросами и сердечными воспоминаніями о дняхъ минувшихъ со своими прежними сослуживцами по семинаріи закончилъ свое пребываніе на этотъ разъ въ ея стѣнахъ ея новый Высокій Покровитель, оставивъ самое отрадное и глубоко-благодарное чувство къ себѣ, какъ въ средѣ учащихся въ семинаріи, такъ и ея питомцевъ, равно какъ и иныхъ свидѣтелей этого отеческаго общенія Архипастыря со своими „чады“.

Двѣ встрѣчи.

(къ пріѣзду Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Никанора).

Въ первый разъ я встрѣчалъ Высокопреосвященнаго Никанора въ октябрѣ 1879 года. Тогда я былъ еще совсѣмъ мальчикомъ, только что перешедшимъ изъ уѣзднаго училища въ губернскую семинарію. Мнѣ было всего только 13 съ небольшимъ лѣтъ. Давно, очень давно это было.

Но какъ сейчасъ помню эту первую встрѣчу. Явился къ намъ *новый* Ректоръ семинаріи и взялъ въ свои руки бразды правленія. Ректоръ совсѣмъ еще молодой, безъ всякихъ наградъ, съ однимъ лишь магистерскимъ крестикомъ. Скорѣе онъ походилъ тогда на простого „батьюшку“, чѣмъ на о. Ректора семинаріи, который почему то рисовался въ воображеніи семинаристовъ „недосягаемымъ“ существомъ. А этотъ новый Ректоръ спустился къ намъ бурсакамъ; обунулся „въ гущу“ нашей семинарской жизни.

Новый Ректоръ сталъ послѣдовательно, систематически обновлять семинарію со всѣхъ ея сторонъ.

Грязное, пыльное зало, всегда обычно затворенное, но почему-то именовавшееся „актовымъ“ заломъ, скоро было перестроено въ семинарскій храмъ, посвященный „Апостолу любви“.

И какъ „любили“ мы этотъ храмъ, освященный въ честь „Апостола любви“! Съ какимъ удовольствіемъ, наслажденіемъ мы славословили въ немъ Имя Божіе своими чистыми, свѣжими голосами, особенно во дни великихъ праздниковъ, страстной и свѣтлой седмицы! Хоръ семинарскій славился тогда на всю Казань. Храмъ семинарскій не вмѣщалъ „постороннихъ“ богомольцевъ.

И „актовое“ зало не было забыто. И для него нашлось свое мѣсто. Но оно теперъ явилось не для того, чтобы быть вѣчно затвореннымъ, а для дѣйствительныхъ, настоящихъ „актовъ“.

На зѣтахъ этихъ слышались „чтенія“, „лекціи“, „отчеты“ въ прожитомъ, надежды на будущее... Здѣсь же *первые* стали раздаваться и „награды“ успѣшнымъ ученикамъ.

Награда! Награда! Какое это было *новое* слово для семинариста-бурсака. Онъ никакъ доселѣ не думалъ, что и его могутъ награждать, его могутъ *цѣнить*. А между тѣмъ его стали цѣнить, стали даже награждать.

И награжденные цѣнили эти „награды“, дорожили ими, берегли ихъ, хотя бы онѣ и представляли вовсе незначительную цѣнность по своей стоимости.

А самый корпусъ семинарскій, его классы, спальни, столовая и корридоры, развѣ все это не было очищено отъ той грязи, которая годами копилась въ нихъ?

Новый Ректоръ взялъ *новую* метлу, вымелъ ей бурсу семинарскую. И даже семинарскій дворъ не забылъ; тамъ все

очистилъ, все обновилъ: навозныя кучи замѣнилъ клумбами цвѣтовъ, насадилъ садикъ, завелъ кегли и т. д.

Возрожденный „внутри“, семинаристъ того времени обновился и въ своей внѣшности. Бурсацкія „хламиды“, вызывавшія насмѣшки надъ семинаристами въ городѣ, отошли въ область преданій, приснопамятная „твинка“ замѣнилась „трико“ и т. д. и т. д.

И многое, многое припоминаю я теперь, когда вспоминаю эту *первую* встрѣчу...

Но вотъ настаетъ *вторая* встрѣча. Много лѣтъ протекло между первой и второй. Почти цѣлыхъ три десятка. И я, въ пору первой встрѣчи еще мальчикъ, теперь уже зрѣлый мужъ, съ кой-гдѣ пробивающимися сѣдинами. Годы сдѣлали свое, пообтрепали, поизносили и меня. Я теперь встрѣчаю не новаго Ректора, но новаго Архіепископа. И этимъ Архіепископомъ является онъ. *Тотъ самый*, о которомъ я вспоминалъ выше.

Но тотъ ли онъ? Не измѣнился ли? Будетъ-ли онъ *новымъ* и на томъ дѣлѣ, на какое теперь онъ призванъ? Обновить-ли и всю епархію, какъ нѣкогда обновилъ ея семинарію?

Прожитые годы наложили свои слѣды на главу и лизъ бывшаго Ректора. Я теперь встрѣтилъ его уже старцемъ, убѣленнымъ сѣдинами. И самъ онъ, въ первомъ своемъ словѣ, обращенномъ ко всѣмъ встрѣчавшимъ его, нашелъ нужнымъ упомянуть о „немоцахъ“.

Но онъ же, въ этомъ словѣ, высказалъ и свои упованія, и свои надежды, твердо вѣруя въ то, что сила Божія въ немоцахъ совершается.

И вѣрится, что эта сила Божія будетъ совершаться въ немоцахъ того, кто призванъ создать среди насъ святое, чистое, единое братство, именуемое „Церковью Казанской“.

Благодарный ученикъ.

Къ воспоминаніямъ о почившемъ Архіепископѣ Казанскомъ Димитріи (Самбикинѣ).

Прочитавъ въ № 14 „Извѣстій по Казанской епархіи“ надгробныя рѣчи по скончавшемся Архіепископѣ и, особенно, до проникновенности искреннюю—прот. А. В. Смирнова, у